

ДОКТОР

/Помяни меня текилой/

Действующие лица:

Артем Костомаров – врач-невролог /Доктор/

Голоса /преимущественно женские/

Кухня в хрущевке. На столе полтюбика горчицы, четвертинка луковицы, хлеб, поллитровка водки, слегка опустошенная. Он сидит, глядя перед собой в пространство. Раздается телефонный звонок. Долго звонит телефон. Замолкает. Он идет вглубь сцены, обратно - с телефоном, на ходу набирая номер:

Он. Мам, привет. Извини, в душе был... Всё хорошо. И здоровье. Нашла у кого про здоровье спрашивать: сами портим – сами лечим! Ты-то как?.. С ногой? Я спрашиваю, в больнице с ногой? Приеду в отпуск – смануалю. Ну, дёрну я твою ногу – всё на место встанет. В начале октября... Боюсь, раньше не получится. Ма, да всё хорошо. Мне нормально одному. Мам, я ем. И не пью. Вообще не пью, никогда и ничего. Даже чай – умираю от жажды. Нет, трезвый. Всё, мне на дежурство пора. Ну, хорошо, хорошо, слушаю. И не сержусь. Пока нет. Не люблю я никого, мам, понимаешь? Зачем обманывать кого-то, мучить... Я даже не понимаю, как это – любить. Вот такой парадокс: врач, а без сердца... Ну да, Кирюшку любил. Даже со «скорой» ушел после развода, помнишь? – не мог на детские вызова ездить, в каждом ребенке он мерещился... Сейчас, мам, уже легче... Да и Кирилл подрос, совсем отвык... все-таки восемь лет врозь... Ну не чужой, но... Опять ты, ма! Не начинай, а? Вот и не надо! Да, на работе всё прекрасно – больная в обед умерла, завтра вскрытие. Ну, мам, «кто-кто»... Ты ведь всё равно не знаешь! Шелыгина из шестнадцатой. Тамара Петровна. Да нет, не молодая – пятьдесят семь лет. Молодая? Ну, значит, молодая. Не сержусь. Всё хорошо. Нет, не ругали, завтра будут. Давай, всё. Пока.

Бросает телефон на стол, уходит вглубь, возвращается с ноутбуком, идет к столу. Садится, устраивает ноутбук на столе, хочет включить, но отвлекается на «чем закусить?»

Голос: Можно и просто хлебом. В конце концов, это такая формальность.

Он (*отвлекается, потом удивленно*): Блин... Видимо, и правда, пора завязывать.

Берет хлеб, мажет горчицей, выпивает, закусывает.

Голос: А тост?

Он (*поискав источник голоса, принимая условия «игры воображения»*): Тост? А надо?... Хм... Ну что ж... За тебя, белая горячка! Подходит?

Голос: Вот уж недостойный объект!

Он: Тогда за любовь! (*быстро выпивает*)

Голос: Не страшно?

Он: Почему должно быть страшно?

Голос. А что может быть страшнее любви?

Он (*будто повторяя чьи-то слова*). А что может быть страшнее любви? Смерть? Но смерть – всего лишь переход. Мучительное, болезненное, но все-таки мгновение. Одной ногой здесь, а другой – в вечности. Или в помойке. Вечной помойке. А любовь – она всегда. Уж если поселится внутри, то будет разъедать и совершенствовать это нутро. И даже после смерти. Там не нужны уже ни вера, ни надежда – всё теряет свой смысл. Только эта зараза.

Голос: ... смерть всё заберет: и надежду, и веру, но любовь останется.

Он: Эй, погоди. Ты всерьез думаешь, она так велика, что за нее надо пить?! И почему ты мне указываешь? Ты, белая горячка! Я хотел сидеть, слушать музыку, ни о чем не думать. Да! И о медицине тоже! (*смеется*) Каким же идиотом был когда-то! В юности не ощущаешь границ. В восемнадцать лет голова полна безумных идей, думаешь, что всё можешь, это старики с их дебильными нафталиновыми нотациями ничего не стоят, а ты – почти что гениален, и – вот еще совсем чуть-чуть, – перед тобой откроется истина.

Голос. ...умирать, оказывается, все равно больно. И приноровиться к этому невозможно. Не успеваешь... Вот тут-то любовь и проявляется во всей своей красе!

Он. ...откроется истина! Твои больные всегда будут выздоравливать, ведь ты никогда не ошибешься в диагнозе и дозе. Да и зачем тебе

ставить диагнозы, высчитывать дозировки – одним прикосновением целительных пальцев ты станешь лечить все болезни, и благодарное человечество будет целовать твои руки...

Осознание собственной ничтожности приходит с опытом. С грязью, рутиной и – увы! – с чьей-то смертью. Бедная Шелыгина... Кроткая, незлая Шелыгина... Ты сделал всё, что смог? А она не оценила и умерла... И так всегда. Ты – опытный, сильный и умный, а они – не понимают и умирают. А ведь не должна была... От межпозвонковой грыжи еще никто не помирал. Вещь неприятная, конечно, болезненная, но не смертельная же! Тамара Петровна... странная женщина. Еще лет десять-пятнадцать бы протянула. Конечно, ей было далеко не восемнадцать, и вместо того, чтобы добросовестно выполнять предписания врача, она пила, курила и шлялась где-то по ночам. Но если бы не ее странное поведение, - сколько же раз за него влетало всем! – вполне уважаемая больная. Во время обходов никогда не жаловалась, только хлопала глазами, как будто вот-вот заплачет.

Голос: Спасибо, хорошо... Нога? Нет, уже не болит... Поясница? Нет, тоже уже не болит. А домой когда? А можно в четверг? Нет? А когда можно?

Он: Эй ты, белая горячка! А все-таки хорошую работёнку я себе выбрал. Будь я сейчас артистом или художником, до сих пор бил бы себя ушами по щекам, с каждым шлепком обвиняя окружающих – не признали гения. Не признали гения! А в медицине всё просто и честно: врач плох – больной сдох! От, стихоплёт херов! Спать пора. Надрался до...

Эй, горячка белая! Спать бум?(нет ответа) Что ж... В нирвану...

Засыпает. Затемнение. Звонок мобильного. Голос Артёма в темноте.

Он: Да, Евгения Андреевна. Да, понимаю. А вот хрен знает. Первый раз вижу, чтобы умирали от межпозвонковой грыжи. И за что это мне?! А может, и траванулась чем. Она ведь шлялась по ночам где попало. Как впервые слышишь? И это я, простой ординатор, тебе, старшей медицинской сестре отделения, докладываю, что в твоём королевстве что-то подгнило? Плохо следишь за своими девочками. Ну ладно, ладно. Да, готовь, Женечка. Сегодня к обеду. Не было у нее родственников, никто не откажется. Будешь договариваться с патологоанатомами, обязательно учти, чтобы я смог быть на вскрытии. Поняла? Обязательно! Ну а там и диагноз нарисуеться. Что ж, попадёт так попадёт... А что по Парамонову? Нет, пока не

выписываем. До четверга подержим. Да, сегодня на пятиминутке услышишь обо мне много... Да, нет, нового, пожалуй, ничего...

Утро. Похмелье. Артём идет из душа – голова мокрая. Футболку меняет на джемпер. Берет кувшин с водой, жадно пьет.

Голос. Целые семьи исчезают с лица Земли. Планета озабочена самосохранением, а человечество не научилось стареть и умирать...

Он. Что?! Откуда ты взялась? Эй, горячка белая! Я ж трезвый. Почти...

Голос. Прости, но ты не догоняешь...

Он. Что ты хочешь этим сказать? Ты навечно у меня поселилась?

Голос. Как получится. Только... не зови меня больше белой горячкой.

Он. В таком случае, как к тебе обращаться? Имя-то у тебя есть?

Голос. Можно как при жизни...

Он. То есть? При какой жизни? Как тебя зовут, спрашиваю!

Голос (*тихо, после паузы*). Тамара Петровна.

Он. Что?! Да как ты...?! За что?!!

Стеклянный кувшин с питьевой водой, не успев оказаться на столе, выпал из левой руки Артёма и опустился на пол, обогатив и без того тяжелое утро фейерверком осколков и огромной лужи. Едва оправившись от удивления, Артём убирает осколки, идет за шваброй.

Голос. Ага. Обещай, что не будете меня резать, ладно?

Артём швыряет швабру на пол.

Голос. Да, Артём, и помяни меня текилой...

Он. Текилой?

Утро. Больница. Белая стена.

Он. На неврологическом отделении первой градской больницы особое представление о времени. Наша пятиминутка идет вот уже полчаса, и конца ей пока что не видно. (*Артём занят «скрещиванием» кулаков, долго, почти бесконечно составляет из них фигуру*). Да, конечно! До меня и моей Шельгиной смертности на отделении не было! Вы все святые! Давайте вешайте на меня всех ваших блохастых собак! Обвиняйте во всех смертных грехах!.. Как же они все-таки

сношаются?.. Старый отцовский анекдот: ...Как-то разбирают на партийном собрании председателя колхоза, ругают на чем свет стоит, а он сидит, голову опустил, кулаки сжатые держит перед носом и пытается их соединить. После собрания его друг спрашивает: Что, тебе очень плохо? – Да нет, - отвечает. – Я вот всё никак не пойму, как же они всё-таки сношаются... «Кто?» - спрашивает друг. «Да ёжики! Куда ни пристройся – везде иголки»...

Звонит телефон.

Он. Да, Евгения Андреевна. Ннет... не вскрываем. Ну, вчера это было вчера. Возникли некоторые обстоятельства... Да, Жень, под мою ответственность. Готовь документы на выписку. Да, на сегодня. Диагноз? Рабочий. Жень, я сам потом во всем разберусь. И за всё отвечу. Делай, как сказал. Да. Извини, я – на обход.

Он. Нескончаемый коридор неврологического отделения встречает знакомым и ни с чем несравнимым запахом. В нем, как в горшочке милого Августина, отражается всё здешнее существование. Больничный коридор – что-то среднее между офисом и проспектом, между коммуналкой и вокзалом. Персонал по-деловому носится из палаты в палату, из кабинета в кабинет, ну а больные здесь живут: ждут, стоя вдоль стен, спят, едят, гуляют, влюбляются, назначают свидание у окна за фикусом в кадке, ругаются, травят анекдоты, обсуждают телесериалы и умирают. И каждый – каждый из многих! – приносит сюда частичку своего, привычного, быта. Меня ждут мои три палаты. Мои пятнадцать больных... Сегодня – четырнадцать... Но это ненадолго.

Берет стопку историй болезни.

Девятая палата, мужская. Моя любимая. Всегда оставляю ее «на сладкое» - такая уж удивительная отчаянно-веселая атмосфера здесь царит, что общение с местными жителями заряжает энергией на весь оставшийся день. Видимо, приемное отделение работает на микроклимат в неврологии, подбирая в девятую такой разбитной, неунывающий народ! Здесь всегда хочется задержаться подольше, пошутить, посмеяться, как в студенческие годы. Как-то раз во время обхода зашел дурацкий разговор о том, на каком боку лучше спать, ну и выдал им шутку третьего курса:

- Лежание на левом боку тормозит работу сердца. На правом боку тоже спать нельзя – мешает работе правого легкого... Старайтесь не спать на спине – вы рискуете получить заболевание позвоночника. Сон на животе вреден для работы пищеварительного тракта. Если вы спите сидя, высок риск развития геморроя. Ни в коем случае не спите стоя – вам гарантировано плоскостопие! Решив заснуть на

четвереньках, вы сразу же попадаете в группу риска различных артритных заболеваний. Ну и конечно же Боже вас упаси спать стоя на голове – приток крови к головному мозгу неумолимо приведет к развитию энцефалопатии сосудов этого самого головного мозга! Поддержали бурными аплодисментами...

А сегодня из-за часовой пятиминутки обход немного задержался. Поздняков примостился у телевизора, а заметив врача, тут же нырнул на свою койку. Что-то блеснуло рядом с ним. Или показалось?

(Берет историю сверху). Правая крайняя койка – Шестаков Даниил Андреевич, двадцать два года. Нарушение мозгового кровообращения. Ну как дела, Даня Шестаков? *(Достаёт молоточек, вдруг замирает).* Что это? В груди Дани, прямо внутри, светилось... существо. Такое же, как то, ночное, называющее себя Тамарой Петровной, но только не голубое, а оранжевое, как апельсин. И вело оно себя не как отдельная субстанция, а как какой-то внутренний человеческий орган, работающий так же напряженно и буднично, как и другие. Почувствовав чужие прикосновения, существо насторожилось, но потом, узнав мою руку, успокоилось, засветилось сильнее и потянулось будто навстречу...

Голос. Доктор!.. А у нас всё плохо, Доктор...

Он. Зажурчала апельсиновая Данина сущность, и услышал я, как наш Даня, чтобы откосить от армии, женился на женщине с двумя детьми. Девчонка была лет на пять старше жениха, и он никак не думал, что она воспринимает этот мезальянс всерьез. Любит его, и ждет сейчас из больницы своего юного мужа, а он девчонок на коридоре клеит, поэтому головные боли мучают его всё сильнее и сильнее. Как объяснить это Даниилу? Поймет ли? И надо ли это объяснять? Может, как-нибудь под гипнозом... Дань, ты как к гипнозу относишься? Не веришь? А зря... Вот был у нас один случай. В вашей палате, между прочим. Лежал вот на этой койке один мужичонка с радикулитом. Попал в больницу, когда уже правая нога отниматься начала. Ну, подлечили его. Перед выпиской говорю ему:

- Всё у тебя хорошо, будешь бегать, как раньше, но только не пей много. Восемьдесят пять грамм в день – твоя норма. Ни больше, ни меньше. Выпьешь больше – нога опять откажет. Понял?

- Понял, - говорит. Выписался. Да только через неделю тащится обратно – с клюшкой, как раньше.

- Пил? – спрашиваю.

- Да нет, чуть-чуть только пригубил... - а от самого перегаром тащит.

Ну, уложил его на кушетку, потыкал по ноге иголочкой, а потом, глядя в окно, как бы между прочим и говорю:

- Вон, смотри, твой автобус к остановке идет. Беги, а то не успеешь!

Мужик вскочил и был таков. Ключка так и осталась в ординаторской... Вот такой у неврологов гипноз! Всё от лени. Опоздал бы на автобус, пришлось бы снова лечить. После обхода зайти ко мне – поговорить надо.

Нырнувший под одеяло Поздняков – Поздняков Николай Михайлович, 46 лет, водитель-дальнобойщик, межпозвоночный остеохондроз. Сверкнувшее внутри него пятнышко оказалось пронзительно-розовым светляком, сбивчивый и страстный рассказ которого немало меня поразил. Коля Поздняков вообще-то милый и веселый парень, никогда и никому не желавший зла. Но вот однажды в дождливый осенний вечер парковался в чужом дворе и в темноте не заметил, как сдав назад, заехал на клумбу: цветочки там разные – астры, гладиолусы... Николаша посокрушался тогда, увидев в грязи помятые стебельки, но и только. Забыл через несколько минут, а утром, прогрев мотор, даже и не оглянулся назад. А садик этот, оказывается, разводил старичок, садовод-любитель. И цветы выписывал по почте, и сажал их в определенном порядке, учитывая цветовую гамму и времена цветения... Проснувшись утром и застав свое творение в полном беспорядке, дед сначала расстроился, затем подумал, что ничего страшного, и всё можно исправить, если снова взяться за дело, а к вечеру вдруг почувствовал огромную ноющую пустоту внутри... Скорую соседи вызвали, но она не успела...

Голос. Это хорошо, Доктор, что ты меня услышал! А то ведь рассказываю - рассказываю тебе, а ты... Теперь всё сделаешь. Теперь хорошо.

Он. Да уж, хорошо... Только как это теперь объяснить?... Парамонов, Василий Полуэктович. Шестьдесят пять лет. Вдовец. Хронический пояснично-крестцовый радикулит. Как дела, Василий Полуэктович? Давайте-ка вас немного поколотим. *(Достает молоточек, но опять...)* В груди Парамонова тоже светилось существо, только светло-коричневого цвета.

- Привет...

Голос. Здравствуй, Доктор. Всё уже случилось.

Он. Да, я понял... *(Парамонову):* Что ж, Василий Полуэктович, на выписку завтра. *(себе)* Парамонов не рассчитывал на такое скорое

выздоровление. Честно говоря, я тоже. Но накануне Василию Полуэктовичу приснилось...

Голос. Накануне Василию Полуэктовичу приснилось, будто наступила весна, тает снег, а он, мальчик Вася, пускает в ручье кораблики. Ручей кажется мальчику полноводной огромной рекой, на берега которой высыпали люди и смотрят за движением белого парусника.

- Вася, домой! Ну сколько тебя можно звать, – в который раз из раскрытого окна раздаётся голос матери. Идти домой не хочется, да и с матерью у него давно натянутые отношения. И вдруг прямо перед ним вырастает мощная фигура мате­рино­го со­жи­те­ля, дяди Игоря.

- Ну что? Долго мать будешь доводить? – руки на груди скрестив, он за­го­ра­жи­ва­ет сол­нце.

Почувствовав себя Диогеном, Вася скрипнул зубами, машинально забрал из реки, вдруг ставшей маленьким ручейком, подмокший кораблик и побрёл домой, уткнувшись носом в спину «со­жи­те­ля».

Мать пекла пироги. Она обернулась, чтобы посмотреть на сына, и в этом сиюминутном взгляде было столько заботы, любви, тревоги за него, что мама вдруг показалась такой красивой и правильной. Именно красивой и правильной. И от этого всё, вся его жизнь встала на свои места. Вася не сказал ей ничего из тех обидных слов, что за­го­тав­ли­вал по доро­го­е, а толь­ко стоял и смотрел на нее, на горы пирогов на столе, на черную дыру печи, а руки всё теребили кораблик, вконец размокший то ли от слез, то ли от талой воды.

Проснувшись, он долго не мог прийти в себя, и было безумно жаль, что мама давно умерла, и он не может сказать ей, как он ее любит, как скучает по ней, ~~что не был он на похоронах не потому что, забыл ее, а просто в то же время заболела жена, которая умерла через три месяца после мамы...~~ Он знает, что теперь будет жить по-другому, не знает пока, как, но по-другому...

Он. И всё это – и про сон Парамонова, и про его отношения с матерью, и про то, что он практически здоров, тоже, как и в случаях с Даней и Поздняковым, поведало это светящееся пятнышко, сидящее внутри него. И потом, в других палатах у других своих больных, всё повторялось – светляки наперебой рассказывали истории болезни, да так, что истории, написанные на бумаге с вклеенными результатами обследований, вдруг стали не нужны. Поначалу все светляки казались похожими, различаясь лишь цветом: зеленые, желтые, оранжевые, как на новогодней гирлянде... И все доверчивые, славные такие...

Голос: В четверг пятиминутка длилась не более пяти минут. Артёму Сергеевичу объявили выговор за халатность и предложили уволиться.

Он. Общаться с ними легко и просто, будто эти светляки и есть самые родные и близкие. Вернее, люди, внутри которых они светятся, порой совсем не казались ни родными, ни близкими. И вот тут-то, на острие этого контраста, возникало Знание. Каждый раз... Оно просто приходило, когда я осознавал непохожесть человека и его светляка. Эта разница и высвечивала для меня тот изъян, что сидит в каждом.

Голос: Костомаров не спорил и написал заявление. Заведующий отделением заявление взял и выставил всех из кабинета. В том числе и его, Артёма. Жизнь потянулась в привычном ритме. У Костомарова - три палаты, пятнадцать больных.

Он. Изъян, ошибка... Она дает начало болезни, она же разрушает то, что заложено изначально. Вот так примитивно. Вот так по-детски – и эта абсолютная наивная диагностика ни во что не ставит официальную медицину! Ну как быть, например, с радикулитом, причина которого крылась – и это я видел теперь достаточно ясно – в двух абортах двадцатилетней давности! Как объяснить это пациентке? И какое лечение в таком случае назначить?

Голос: На городскую неврологию потянулись люди. Они приходили и стояли в длинном больничном коридоре, наполняя его чужими неожиданными запахами и голосами. Люди ждали Доктора.

Он. Навязчивое сияние и какая-то необычная безграничная доброта и создавали поначалу ощущение их идентичности... Но со временем я научился различать светляков. И не только по цвету. Помните у Толстого про счастливые и несчастливые семьи? «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.» Так же и тут: кажется, что наши пороки делают нас разными, не похожими друг на друга – даже на внешность накладывают свой отпечаток! – а безгрешные, блаженные, праведники – все на одно лицо... Святые... Светлые... Светящиеся...

Голос: Все уже знали, что доктор поможет не только избавиться от недуга, но и расскажет то, что ты давно хотел слышать, но даже не подозревал об этом. И наступало облегчение. Однако ... сам доктор, уверенный в своей правоте, был как будто и не рад этим открытиям.

Он. Все на одно лицо. Но так потому, что мы сами – из первого лагеря. Это как расовые различия. Для нас все китайцы на одно лицо, как и для китайцев – все белые. Так и тут: грех как расовый признак! А копни поглубже – доброта и святость у всех разные... Ведь младенцы, только что родившиеся и не успевшие никого обидеть, тоже разные.

Но и от них тоже идет свет... А мы потом тащим их в свой дружный – ну иногда не очень дружный – коллективчик, вешая на каждого отличительную грязь. И превращается младенчик в светляка и сидит внутри каждого, и не перестает сражаться с нашими вечными удовольствиями. Крошечные летописцы пишут дневники наших потерь.

Голос: Теперь Костомарова часто приглашали на реанимацию. Там чаще всего больные поступают без сознания, и только он мог понять, в каком направлении начинать обследование.

Он. (*Типа к светлякам*): Вот из этого, друзья мои, и складывается мой диагноз. Круто? А там уж дело за малым – убрал причину, ушла и боль... Вот и лечение. Интересно, что же там с маминной ногой? Вот бы глянуть на ее светляка, спросить... Хотя... Нет... Имею ли я право препарировать ее душу? Пить сегодня не хотелось, а хотелось...

...позвонить Карине. Вспомнить стыдно. Правильно говорила мама: алкоголизм до добра не доведет. Может, там меня уже и не ждут

Он. Привет...

Карина. Да... Ты не мог еще позднее позвонить? Уже половина одиннадцатого...

Он. Уже? Кариша, милая, прости... Долго думал, прежде чем набрать тебя... Блин! Прости... Ты... не одна? Не можешь говорить?

Карина. Ну, уж раз позвонил, валяй, отводи душу... Чего надо? Опять всё сначала?

Он. Кариша, ты прости меня. Ну, дурак. Ну, дебил. Мне столько надо тебе сказать.

Карина. По-моему, мы всё уже сказали друг другу.

Он. Кариш, тут такое дело... Я тебе всё объясню. Не по телефону. Можно приехать? Прямо сейчас.

Карина. Прямо сейчас уже ночь.

Он. Да, понимаю. Извини...

Карина. Эй, ты еще слушаешь?.. Артём! Ты трезвый?

Он. Как космонавт.

Карина. Хорошо. Но учти, хоть каплю учую – выгоню!

Такси ночью не проблема, а вот цветы и торт... Спасибо, что остановился на пятнадцать минут у супермаркета.

Карина ждала – это было видно сразу. И даже что-то успела наготовить... И выглядела сегодня как-то особенно притягательно. Хоть и усталая немного... Всё верно – никого у нее нет до сих пор. Приятный эгоизм. Ее светляк – а я с нетерпением ждал этой встречи, как только уберу с нее всю одежду – ее светляк был серый, того чистого серебристо-серого цвета, которым рисуют в храме небо. Да, чисто-небесно-серый... но не голубой. Не она... Всё, больше никаких родных и близких! Нельзя. Вечное одиночество...

Но все-таки... все-таки... От чего умерла Шелыгина? И какая же радость охватила меня, когда повернув ключ в замке и открыв дверь, я услышал знакомое:

Голос. Как корова языком слизала... Тебя где носит? Ночь не ночевал...

Он. Интересно, когда это мы перешли на «ты»?

Голос. Сразу после смерти. Моей, конечно. Ты где был?

Он. Ты теперь займешься моей нравственностью? Вообще-то я не обязан отчитываться перед...

Голос. Ну договаривай! Перед...?

Он. Перед тобой!

Голос. Ладно, проехали.

Он. А кстати! Ты кто? Кем ты была? В смысле, при жизни...

Голос. Я – никто. Ни-кто...

Он. Но это действительно странно...

Голос. Что странно?

Он. Твоя смерть. Ты не должна была умереть! С твоим-то диагнозом. Я собирался тебя выписать во вторник... Почему? Что случилось? Ты можешь сказать?

Голос. Как? Ты так и не догадался? Тоже мне доктор! Надоело. Надоела бесконечная спираль.

Он. Хрен знает что! Ты ведь не Господь Бог, чтобы останавливать жизненные процессы по собственному желанию. Что все-таки случилось?

Голос. Ну хорошо. Если не веришь, думай что хочешь. Уколола пальчик веретеном... Как тебе такая версия? Вскрытия-то не было...

Он. Ну ладно, не хочешь говорить – не говори.

Заваривая чай, он старался и никак не мог вспомнить, прикасался ли он к ней хоть раз. Она порхала по кухне, но ни разу не присела на его плечо или руку...

Он (себе). И эта вычурная манера выражаться... Ни-кто... Спираль... Планета озабочена самосохранением... Неужели при жизни в голове бедной Тамары Петровны гнездились такие мысли? Так изъяснятся могла, пожалуй, какая-нибудь литературная критикесса, а наша Шелыгина не только на критика, но и учительницу младших классов не тянула. Интересно, когда меня нет дома, она тоже исчезает?

Голос. ...и он не боялся никаких дуэлей до тридцать седьмого. Так говорят. А может, всё врут, боялся.

Он. Что?

Голос. Я про Пушкина и фатализм. Мне замолчать?

Он. Нет, я слушаю, *(и на ее вопросительный взгляд (о, если это можно назвать взглядом!))* Уже слушаю. Я – весь внимание!

Голос. Так вот. Пушкин. Помнишь эту историю с гадалкой? «Бойтесь белого человека на белой лошади»... ну и такая дребедень еще... Он чувствовал свою смерть, нет, даже знал, что умрет. Поэтому раздавал сюжеты налево и направо. Они жгли ему нутро, он был слишком гениален, чтобы умереть так рано. Но – увы! – умер, поэтому пытался впихнуть в других все свои замыслы, чтобы не похоронить их.

Он. Разве можно быть слишком гениальным?

Голос. Не придирайся к словам! Ты ничего опять не понял.

Он. Да куда уж мне! Гениальность... Знал я одного врача. Врача с большой буквы. Он был заведующим в том, первом моем отделении, куда я после института пришел. Звали его Борис Иванович. Жил как мог, не считал себя гением, но столько сделал для меня, столькому научил! Ни один вуз не научит! Вот это была интернатура! В каждом своем пациенте он умирал ежедневно. И страдал... А те, кого не удалось вылечить, жили в нем, мучились, мучили его... Этого он и не вынес. Как Пушкин твой, умер в тридцать семь... Это и есть гениальность – жить не только о своём?

Голос. Нет, дело не в гениальности, а в способности отдавать. Отрывать от себя, чтобы не утащить в бездну. Понимаешь?

Он. Ты это про кого сейчас? Ты объяснишь мне?

Голос: Зачем объяснять? Ты всё сам понимаешь.

Он. Нет, я никак не могу за тобой угнаться. Только начинаю вроде понимать тебя, ты меняешь тему, путаешь меня.

Голос: С тобой трудно. Ты постоянно уходишь в себя. Позвони Карине – она объяснит.

Он. Карине? С чего это вдруг? Откуда Карина может знать? Она же... Эй! Ты где? Что молчишь?.. А ты капризна... (себе). Это уже в пустоту, когда ее и след простыл.

Больница. Белая стена.

Он. Дни пролетали в каком-то бреду. Sic transit gloria mundi! - говорили древние, вкладывая в это «sic» что-то своё. А сегодня эта мирская слава проходит в суете и непредвиденных ситуациях. Врач городской больницы Артём Сергеевич Костомаров за какие-то три месяца стал бешено популярным сначала в отдельно взятом неврологическом отделении, затем – в первой градской больнице, а потом и во всем городке с населением чуть больше трехсот тысяч. Записаться ко мне на прием не было никакой возможности, очередь росла, а приёма-то официально никакого не было. Только эта очередь у ординаторской, вдоль стены да ворчание санитарки тёти Вали, моющей под ногами ожидающих пол... Тетя Валя ворчала под нос – гений, мол... Но не очень ворчала, видимо, побаивалась, как нечистой силы.

Дома. Долгое одиночество. Кухня. Стол. Компьютер.

Он. Ээй! Здесь есть кто-нибудь? (долгая пауза. Идет к столу). А у нас на ужин армянский коньяк и конфеты. Итальянские! Сегодня было просто бешеное количество конфет. Их хватило не только нашим неврологическим девчонкам, но и окрестные отделения не остались без сладкого. Молчишь? Или нет тебя больше? Понятно, добилась, чтоб не резали, и свалила в свою преисподнюю. Или что там у вас?.. И всё-таки... всё-таки... А ведь уже одиннадцать дней ее нет...

Открывает бутылку коньяка, наливает, пьет.

Он. Ну и пусть. Пусть не приходит... Но как всё-таки она умерла? Пусть не приходит... Бросила так бросила... Одиннадцать дней – хороший срок для начала вечности.

Гудок домофона. Он долго не снимает трубку, хотя и слышит. Когда понимает, что не отстанут, наливает еще, пьет, нехотя берет трубку, прикладывает к уху, вздыхает.

Он. Да...

Карина (*быстро*). Это я, Карина... (молчание). Тёма! Артём!! У тебя всё хорошо?

Он думает, открыть – не открыть.

Карина. Я просто хотела... хотела знать, жив ли ты. Видишь ли, с некоторых пор... на уровне некоторых внутренних органов я завишу от тебя... Артём!!! Почему ты молчишь? Ты скажешь мне хоть что-нибудь?! ... Да иди ты к чёрту!!!

Карина отключается. Он быстро вешает трубку, идет обратно к столу. Наливает, пьет.

Он. И всё-таки... всё-таки... Зачем она умерла?.. Неужели больше никогда?..

Вдруг, будто вспомнив что-то, достает из кармана свой неврологический молоточек, берет хозяйственный молоток, забивает гвоздь в стену, вешает молоточек.

Он. Ну вот. Еще один раритет. Еще один памятник. Памятник эпохе, любви и несбывшимся надеждам... За ненадобностью виси здесь... Да, и эти чертовы диагнозы!.. Сегодня девчушка со странным неврозом... Пять лет всего... Какие такие этиопатогенетические воздействия могут быть у такого ребенка? Мамаша плачет, отец в недоумении... Хорошо еще, что пришли всем семейством – причина-то в прошлом обоих. Как и нашли друг друга эти два нелепых существа, чтобы породить еще одно?.. Но неужели я так и не смогу раскрыть тайну ее смерти? Вот тебе и всемогущий Доктор! Нет, все-таки неправильно всё это!

Голос. Что неправильно?

Он (*после паузы, обрадовавшись ее появлению*). Всё, чем я сейчас занимаюсь! Всё это так далеко от традиционной медицины.

Голос. Твоя официальная медицина ничего не стоит! Нет-нет, конечно же я не права, медицина должна существовать, но, согласись, она совершенно путает причинно-следственные связи.

Он. Выходит, всё, чему меня учили, все знания, опыт, наработанный годами. Что ж теперь? Всю симптоматику, всю диагностику – к ебене матери?! Хорошо, скажи мне, какие такие причинно-следственные связи привели к твоей смерти?

Голос. Что ты хочешь узнать – причину или способ?

Он. Что-то ты заговариваешься, голубка моя сизая. Причина и способ – это про самоубийц. Что? Не нравится? Хорошо. Начнем со способа.

Голос. Да всё очень просто. Есть три точки – несимметричные, на срединной линии – нажимаешь все три одновременно и всё...

Он. Три точки?.. На срединной линии... Акупунктура! Как я мог забыть?! Всё просто!

Роемся в тетрадках.

Он. Погоди-погоди... Три точки на срединной... Это же чакры. Какие могут привести к смерти? Ума? Воли? Наслаждения? Нет, наслаждения вряд ли. Да и вообще, почему чакры?... Так, вот еще... Жизненно важные точки на линии позвоночника... Цзю-вей «у хвоста голубя» - она может парализовать дыхание... или да-чжуй «у выступающего позвонка» - это грудной отдел... Чжун-вань «на срединном канале», ши-мень «у каменных ворот» или вай-гунь «у границы с наружной стороны»... Нет, всё не то, не то...

Голос. Тоже хочешь? Нет, любимый, не получится. Тебе надо жить. Иначе – всё напрасно и зря.

Он. Три точки одновременно... Тебе кто-то помогал?

Голос. Не ищи, успокойся. Тот, кто помогал, всё равно не знает все три... И даже не думай о смерти. Это я должна была умереть. Чтобы ты жил. Чтобы ты жил счастливо.

Он. Счастливо?.. И это ты называешь «счастливо»?! В гробу я видал такое счастье!

Голос. Счастье, милый, не ругай. Оно – в малом. Видеть – это тоже счастье.

Он. Понятно. А причина?

Голос. Причина?.. Да ты бы никогда меня не услышал, если бы я не...

Он. Не надо. я понял. Это всё? Ты не придешь больше?

Голос. А зачем? Всё, что должна была, я уже сделала, а в обычной жизни проку от меня мало. То есть, совсем нет. Тебе же надо жить. И лечить людей. Пусть не так, как ты привык, но это ведь неважно, как... Ты – Доктор. И был им всегда. И не пей много. Но... стаканчик текилы изредка можно, чтоб меня помянуть.

Он. Текилы? Но почему текилы? Я ее и не пил никогда, почти никогда, не пью... Даже вкус не вспомню сейчас...

Голос. Вот поэтому и текила. Водку ты пьешь в одиночестве, коньяк приносят в знак благодарности, а захочешь вспомнить меня – купишь текилу.

Он. Эй! погоди, не уходи!.. Значит, ты это ради меня..? И что мне теперь – сдохнуть? Как мне жить с этим, с этой твоей смертью? Жертва она...

Звонит телефон. Долго, почти вечно. Нехотя берет его в руку, отвечает

Он. Да...

Голос. Простите... Мне ваш номер Женя дала... Старшая медсестра. А мы сегодня с дочкой у вас на приеме были. Помните, может? Аглая. Пять лет... Вы простите меня за поздний звонок и за беспокойство, но Аглаша сегодня сама заснула. Сама! И спит так тихо-тихо. Таких детишек в рекламе показывают – спит и улыбается во сне. А я всё думала раньше, что у меня никогда так не будет. А ведь это всё вы... *(плачет)* Спасибо вам, Доктор! И личико такое счастливое во сне. Нос, правда, хлюпает, но это ничего, простыла, видимо, немного... Такая красивая...

Он. Да, да... Это хорошо, что сама... Хорошо, что красивая... Вы тоже красивая. *(дальше в пустоту)* Вот так просто - надо обязательно умереть, чтобы твой голос был услышан. Обидно, но так всегда. Эй, ты простишь меня? Когда-нибудь простишь?! *(пауза, молчание)* Ну что ж... Значит, надо жить. Лечить... Неважно как, лишь бы лечить. Лишь бы... Надо жить. Надо. Надо. Лечить людей. Пока всё. А там видно будет.